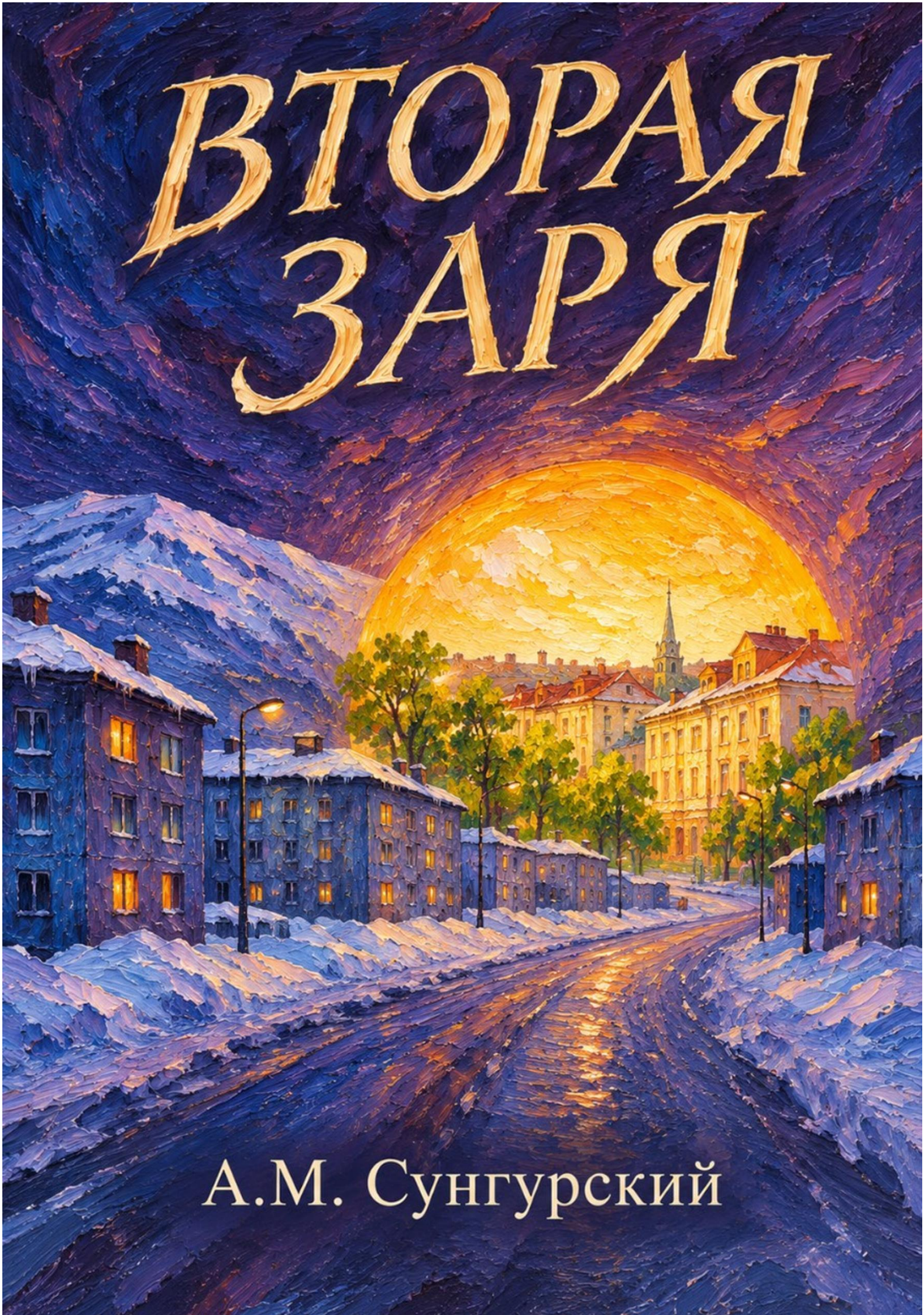

ВТОРАЯ ЗАРЯ
А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Вторая заря

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Вторая заря / А. Сунгурский — «Автор», 2026

В Кировске посреди полярной ночи восходит солнце. Сквозь снег проступают зелёные деревья, чужие дома и люди, которых нельзя коснуться. Затем на зимнее крыльцо выходит раненый мужчина — и кровь оказывается настоящей.С монтажной вышки Лев замечает блеск металла в руке женщины. Мужчина падает, а она улыбается. По другую сторону ограды Майя различает нож в руке самого Льва, склонившегося над раненым. У каждого есть на кого указать полиции.Раненого зовут Илья. Три дня назад он был рядом с Майиным братом, когда тот пропал. Теперь скорая увозит Илью в больницу, до которой из Майиного августа не доехать. Чтобы узнать, где искать брата и как вернуть его домой, Майе придётся найти дорогу в чужой декабрь.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лишняя берёза 5
Глава 2. Человек на снегу 11
Глава 3. Август 16
Глава 4. Холодный порог 20
Глава 5. Место падения 25
Глава 6. Голос из стены 31
Глава 7. Шесть минут сорок секунд 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

А.М. Сунгурский
Вторая заря

Глава 1. Лишняя берёза

Нелли требовала опустить последнюю букву.

Лев посмотрел на вывеску, потом на неё. Сверху, с настила, казалось, что она стоит в яме: по сторонам дорожки лежал откинутый снег, а её чёрная шапка едва поднималась над белыми краями. Она отступила к двери, прищурилась и снова показала пальцем.

— «Я» у тебя убежала.

— Она на одной линии со всеми.

— Вот поэтому и убежала. У неё нога длинная.

На вывеске было написано «СТОЛОВАЯ». Никаких фамилий, обещаний домашнего уюта и нарисованных ложек. Нелли сама выбрала это слово, заплатила за каждую букву и теперь распоряжалась ими с хозяйской подробностью. Лев уже дважды объяснял про нижний край. На третий раз достал уровень, приложил к монтажной планке и наклонил так, чтобы она могла увидеть пузырёк.

— Мне отсюда ничего не видно, — сказала Нелли. — Но я тебе верю. Опусти чуть-чуть.

Пётр, стоявший у ограждения, отвернулся. Плечи под его курткой задрожали.

— Помоги женщине, Лёва. Она тебя этой буквой до весны продержит.

— Петя, сходи-ка лучше за лопатой, — сказала Нелли. — У калитки опять намело.

Он перестал смеяться.

Нелли скрылась в столовой, придерживая дверь бедром. В короткий просвет пахнуло горячим маслом и хлебом. Лев услышал, как она уже в помещении кому-то сказала: «Не трогай, это на суп». Потом дверь закрылась, и во дворе остались тихое потрескивание снега под Петровыми подошвами и гул вентиляции.

До девяти было двадцать минут. Двадцатое декабря, воскресенье; для Нелли выходной означал только, что в первый час придёт меньше народу. Она хотела открыть столовую с новой вывеской к началу каникул. Лев хотел закончить заказ сегодня, получить остаток и больше не возвращаться сюда с лестницей из-за одной буквы.

Он поставил инструмент в сумку, закреплённую у борта настила, и пошевелил замёрзшими пальцами внутри перчаток. За низкой крышей напротив начиналось небо — тёмное, но уже различимое отдельно от гор. Позже оно немного посветлеет. В эти декабрьские дни Лев иногда пропускал весь короткий промежуток, за который улицы приобретали цвет: утром лез куда-нибудь в темноте, днём сидел в помещении, к выходу снова приходилось искать перчатки при свете фонаря.

Над воротами горела жёлтая лампа. Её он собирался заменить после вывески. Снег под ней выглядел старым, словно его успели помыть грязной водой.

— Держи, — сказал Пётр снизу.

Он поднял на верёвке мешочек с крепежом. Лев принял его через край, поставил возле сумки. Пётр дождался, пока свободный конец опустится обратно, и пошёл к калитке. Там, за аркой между зданиями, слышались машины на улице Мира.

Двор Лев знал с детства, хотя тогда здесь была мастерская, а Нелли работала совсем в другом месте. На южной стороне стоял длинный одноэтажный корпус, где теперь помещалась её столовая. Напротив тянулся старый служебный дом с широкими зелёными дверями посередине. Его собирались переделывать: за защитной сеткой на окнах уже не было видно мебели, у

стены лежали связки разобранных досок. Восточный выход вёл на улицу. Западный угол занимала низкая пристройка, возле которой снег никогда толком не убирали.

Леса поставили у входа в столовую. С верхней площадки Лев видел почти весь двор, кроме узкого прохода за вентиляционным коробом у противоположного дома. Там была ещё одна дверь — маленькая, железная, в глубине. Несколько дней назад Пётр заносил через неё мешки, чтобы не тащить по чистому коридору. Лев тогда помогал закрывать тугой замок и обругал его: ключ приходилось держать двумя пальцами, прижимаясь плечом к холодной стене.

Сейчас проход чернел справа от зелёных дверей. На самом коробе сидела ворона. Она пригнулась, вытащила что-то из-под лапы и повернулась к Льву боком.

Он снял последнюю букву с нижнего крепления.

Пока питание было отключено, вывеска выглядела ненамного лучше старой. Белый пластик, серые торцы, полоска льда на верхней кромке. Нелли увидит разницу вечером, хотя здесь и утро вполне годилось за вечер. Лев прикинул, сколько ещё осталось, и достал телефон.

Фёдор ответил не сразу.

— Ты где? — спросил Лев.

— Еду. Что у вас?

— Буква не нравится.

— Кому?

— Как ты думаешь?

Фёдор рассмеялся в нос, коротко.

— Сделай как просит.

— Она просит криво.

— Зато платит ровно. Лёва, мне бы сегодня освободить двор. Я после обеда людей привезу, надо из старого корпуса вынести остатки. Ты успеешь?

Лев посмотрел на мешочек с крепежом. С Фёдором они знакомы были достаточно давно, чтобы не обсуждать, что означает «после обеда». Люди могли приехать и через полчаса, а могли вовсе не приехать; ждать от него точного расписания было всё равно что размечать стену резиновой линейкой.

— Вывеску закончу. Лампу над воротами тоже. Дальше у меня свой заказ.

— Какой?

— Мой.

— Понял, понял. Богатей. Петя рядом?

— Снег чистит.

— Пусть не надорвётся. Он мне ещё нужен.

Лев убрал телефон во внутренний карман. Ему понравилось, что на вопрос про заказ он не стал отвечать подробнее. Ничего особенного там не было: хозяин небольшого магазина просил заменить освещение и обещал рассчитаться сразу. Но работу он нашёл сам, без Фёдора, который потом непременно вспоминал, кто кого выручил.

Он сместил букву на несколько миллиметров, затянул крепление и посмотрел вниз.

— Нелли!

Она не вышла. За дверью что-то глухо упало, кто-то засмеялся.

Лев снова позвал её. В этот момент ворона расправила крылья. С вентиляционного короба слетел снег, и по белой стене за ним прошла тень от берёзовой ветки.

Во дворе не было берёзы.

***

Он ещё держал отвёртку, когда по стене прошла вторая тень. Эта была длиннее, с мелкими шевелящимися листьями.

Лев посмотрел на лампу над воротами. Она горела по-прежнему. Ворона ушла за крышу, и двор снова стал неподвижным, если не считать Петра, который толкал лопатой снег к ограде. Тонкие ветки на стене качались отдельно от всего остального.

— Петя.

— Что?

— Фонарь никто не привёз?

Пётр оглянулся.

— Какой?

— Большой. Для съёмки.

— Я тут дворником работаю. Ничего не знаю.

Он хотел отвернуться, но заметил, куда смотрит Лев, и остановился. Оперев лопату о бедро, долго разглядывал зелёные двери.

— Это реклама? — спросил он.

На двери ложился свет. Тёплый, густой, с жёлтым краем; он проходил от верхней петли к ручке, пересекал облупившуюся краску и стекал на крыльцо. Лев различил полоску ржавчины, которую прежде не видел даже летом. Дальше свет пошёл по снегу. Там, где он касался неровностей, возникали крошечные золотые грани.

Настил под ботинками оставался тёмным. Лев невольно подался вперёд. Страховочный строп натянулся у пояса, и это вернуло его к работе: он положил отвёртку в сумку, проверил, не оставил ли чего на краю, и только потом снова поднял голову.

Над крышей напротив стояла светлая полоса. За ней, выше и правее, медленно показывался солнечный край.

Лев зажмурился. В глазах осталось красное пятно. Он отвернулся к стене столовой, подождал, пока оно побледнеет, и посмотрел ещё раз, прикрыв лицо ладонью.

Солнце поднималось над старым домом.

Пётр произнёс что-то короткое и неразборчивое. Лопата упала черенком в снег. Из столовой вышла Нелли, застёгивая на ходу куртку.

— Ну? Где ты её…

Она подняла лицо и замолчала.

Лев достал телефон. На экране было девять часов две минуты. Он зачем-то открыл календарь, хотя прекрасно знал дату, потом вернулся к камере. Снял не само солнце, а освещённый дом, крыльцо, Петра, который стоял посреди двора и придерживал шапку, словно та могла слететь.

— Федя привёз? — спросила Нелли.

Пётр обернулся к ней.

— Что, солнце?

— Ну, свет этот. Откуда я знаю, что вы тут делаете.

— Нелли, — сказал Лев. — Отойди к двери.

Она послушалась сразу, и от этого ему стало не по себе. Обычно сначала спрашивала зачем.

Он выключил камеру, спрятал телефон, отстегнул страховочный строп и начал спускаться по внутренней лестнице вышки. На середине остановился: через ограждение верхней площадки было видно, как у зелёных дверей проступает белая вертикальная полоска. Она не

освещала стену. Она сама выглядела стеной — гладкой, недавно покрашенной, с незнакомым прямоугольным знаком на уровне лица.

Лев сошёл на землю. Пётр стоял рядом с лопатой.

— Ты видишь? — спросил он.

Лев кивнул. Они оба смотрели на дом, но он не был уверен, что видят одно и то же.

Посередине старых зелёных дверей возникло узкое окно. За ним двигались листья. Белая полоса расширилась, открыла край штукатурки, водосточную трубу, половину скамьи. Сквозь светлую поверхность кое-где проглядывала старая краска, и Лев подумал о двух фотографиях, которые зачем-то положили одну на другую. Только на этих фотографиях шевелился ветер.

Берёза появилась у западной пристройки. Тонкий ствол, разветвление над крышей, мелкие ещё зелёные листья. Нижняя часть дерева терялась в сугробе. Лев помнил, как позавчера стоял на том месте и тянул кабель из бухты; никакого ствола там не было.

Он пошёл к пристройке.

— Куда? — спросила Нелли.

— Посмотрю.

— Я и отсюда вижу.

Лев остановился в трёх шагах от берёзы. Солнце освещало правую сторону лица. Он снял перчатку и подержал ладонь в жёлтой полосе. Пальцы начали мёрзнуть. Никакого тепла, которого он ждал, не было.

На коре чернело небольшое повреждение — будто кто-то когда-то стукнул её острым железом. Выше отслаивался тонкий белый лоскут. Лев подошёл вплотную и поднял руку, но не дотронулся: пальцы прошли дальше того места, где он видел кору, и коснулись холодной сетки, натянутой на настоящем окне пристройки.

Он быстро отнял руку.

— Ну? — спросил Пётр.

— Ничего.

— В смысле?

Лев провёл ладонью ещё раз, медленнее. Берёза оставалась на месте, его пальцы входили в неё до костяшек. За изображением была всё та же сетка. Он нащупал знакомый загнутый край проволоки и отпустил.

Пётр подошёл сбоку. Протянул к стволу черенок лопаты. Дерево не шевельнулось; черенок стукнул в стену.

— Проектор, — сказал Пётр.

— Где?

— Откуда мне знать? Ты электрик.

Лев обернулся к столовой. Нелли стояла на крыльце и смотрела вниз. У её ног лежала широкая солнечная полоса, пересечённая листьями. Она подняла голову.

— Из окна тоже видно, — сказала она. — Девчонки на кухне видят.

С улицы раздался автомобильный сигнал. Длинный, сердитый; ему ответил другой. Кто-то выбежал в арку, остановился, повернулся обратно и крикнул людям, оставшимся за воротами. Лев не разобрал слов.

Он снова позвонил Фёдору. Вызов шёл долго, потом прекратился. Лев набрал Петра, хотя тот был рядом, увидел, что связь работает, и сразу сбросил.

— Ты чего? — спросил Пётр, доставая телефон.

— Проверил.

Лев набрал 112.

***

Объяснять оказалось мучительно. Когда он сказал про солнце, женщина на линии попросила уточнить, есть ли пожар. Он ответил, что пожара нет, люди пока не пострадали, но на улице появились какие-то изображения, и машины останавливаются. Назвал Кировск, улицу, ближайший известный ему ориентир и вход во двор. Пока говорил, в арке собрались пятеро, потом ещё двое. Один мужчина снимал всё на телефон, медленно поворачиваясь вокруг себя.

— Я вас правильно понимаю, вы сообщаете о световом явлении?

— О световом, — сказал Лев. — Только тут ещё дом. Другой дом.

Он услышал собственные слова и сжал телефон крепче.

Женщина не засмеялась. Попросила назвать фамилию, уточнила номер для связи и сказала не приближаться к тому, что вызывает опасение. Лев поблагодарил её. Сообщение приняли; большего он сейчас не мог добиться.

Ворота открыли настежь, чтобы посмотреть со стороны улицы. Лев велел Петру прикрыть одну створку и не пускать людей под леса. Тот начал было отвечать, потом молча оставил лопату у стены и пошёл. Из мастерской напротив не выходил никто. Только незнакомое окно поверх зелёных дверей становилось всё отчётливее.

За ним двигалась женщина в светлом платье. Она что-то несла обеими руками; прошла влево, исчезла, спустя несколько секунд вернулась без ноши. В помещении за её спиной горел обычный потолочный свет. Лев стоял в морозном дворе и смотрел, как незнакомая женщина поправляет на плече тонкую бретельку фартука.

Из арки к нему подошёл мужчина с телефоном.

— Это у вас снимают?

— Не у нас.

— А где?

Лев посмотрел на него. Мужчина был примерно его возраста, в дорогой светлой куртке; на рукаве осталась картонная бирка, которую он, видимо, забыл срезать. На экране телефона Лев увидел себя, вышку и летнее дерево.

— Уберите камеру, — сказал он.

— Я не вас.

— Всё равно уберите. Под настилом не стойте.

Мужчина недовольно отошёл. Нелли вынесла из столовой две оранжевые табуретки и поставила поперёк прохода к лесам. Пётр протянул между ними ленту из оставшегося рулона. Они работали с таким сосредоточенным видом, будто именно ради этого и собрались утром.

Лев заметил движение у берёзы.

По тому месту, где лежал сугроб, ехал мальчик на велосипеде. Лет двенадцати, худой, в красной футболке с белой надписью. На руле болтался синий пакет. Переднее колесо шло прямо сквозь снег, не оставляя борозды. Мальчик приподнялся над седлом, объезжая что-то невидимое, и направился к Неллиным табуреткам.

Лев шагнул наперерез.

— Стой!

Мальчик не посмотрел на него. Колесо прошло через оранжевое сиденье, потом велосипед оказался по другую сторону ленты. Лев отступил, поскользнулся на утоптанном месте и схватился за ограждение вышки. Ладонь ударилась о холодную трубу.

Пакет на руле качнулся. Мальчик катил к стене столовой, всё так же не обращая на них внимания.

— Там дверь! — крикнула Нелли.

Она указывала на тёмный прямоугольник, проступивший поверх штукатурки. На настоящей стене не было двери. Велосипед въехал в штукатурку, исчезло переднее колесо, потом мальчик, его спина, красная футболка. Последним исчезло заднее колесо.

Нелли прижала ладонь ко рту.

Во дворе стало тихо. Даже мужчина с телефоном перестал говорить. Лев держался за трубу и смотрел на стену, которую час назад сверлил под крепление. В двух шагах от исчезнувшего велосипеда находилось окно кухни. За стеклом стояла повариха Тамара. Она приложила ладонь к раме, точно проверяя, осталась ли та на месте.

Пётр подошёл к стене и ударил по ней кулаком. Отозвалась обыкновенная кладка.

— Там же кухня, — сказал он.

— Знаю.

— Он там теперь?

Лев покачал головой, но ответить не смог. Нелли открыла дверь, заглянула внутрь, позвала Тамару. С кухни ей крикнули, что никого нет. Ни мальчика, ни велосипеда.

Лев натянул снятую перчатку и поднялся на настил за оставленным инструментом. Движения пришлось делать по очереди, заставляя себя держаться за перекладины и смотреть под ноги. Наверху он снова пристегнул строп, убрал крепёж в мешочек, застегнул сумку и проверил букву, которую так и не успел показать Нелли. Винт держал. По крайней мере, ничего не упадёт людям на головы.

Его телефон завибрировал.

Фёдор.

— Да, — сказал Лев.

— Ты звонил?

— Ты это видишь?

На другом конце некоторое время молчали. Был слышен двигатель.

— Улица вся стоит, — ответил Фёдор. — До вас не проехать. Что у тебя?

— Во дворе другой дом. Берёза. Люди ходят.

— Нелли где?

— Здесь. Петя здесь. Я в службу позвонил.

— Правильно. Лёва, инструменты собери. С такого места легко свалиться, пока глазеешь. Я дойду пешком.

— Что это такое?

— Я откуда знаю?

Связь оборвалась. Лев посмотрел на телефон, потом убрал его.

Он уже собирался спускаться, когда у зелёных дверей появился человек.

В отличие от мальчика, тот двигался неловко. Вышел боком, придерживая створку, остановился на крыльце и крепко взялся за перила. На нём была тёмная куртка, слишком лёгкая для декабря, под ней — расстёгнутая у горла рубашка. Он смотрел вниз, на две ступеньки перед собой.

Лев помнил эти ступеньки. Верхняя была отколота у левого края, нижнюю Пётр утром обмёл лопатой. Незнакомец опустил на неё ногу, качнулся, сделал ещё шаг и съехал ботинком по наледи. Успел удержаться за перила.

— Осторожно! — крикнул Лев.

Человек поднял голову. Теперь он смотрел прямо на него.

Под его ботинком на снегу остался тёмный след.

Глава 2. Человек на снегу

Незнакомец не ответил. Удерживая перила левой рукой, он посмотрел на Льва и немного приподнял подбородок, будто хотел спросить дорогу. Правая ладонь оставалась у него под распахнутой курткой. Лев решил, что человек просто замёрз.

— Здесь скользко, — сказал он. — За перила держитесь.

Мужчина сделал ещё шаг. За его спиной створка медленно пошла обратно и прикрыла тёмный промежуток. Лев увидел, что у незнакомца на виске прилипли волосы, хотя лицо было сухим. На подбородке темнела щетина. Он выглядел старше Льва или, может быть, просто очень устал.

Пётр у ворот заговорил с кем-то громко и сердито. Лев повернул голову. В арку пыталась въехать машина, водитель высунулся из окна и показывал во двор. Пётр стоял перед капотом, не давая проехать. Возле него уже собирались люди.

— Петя, — позвал Лев, — сюда посмотри.

Тот не услышал.

Лев снова повернулся к крыльцу.

Рядом с мужчиной стояла женщина в синей лёгкой куртке. Ещё секунду назад он её не видел; возможно, она вышла из-за светлой стены, которая проступила поверх старой. У женщины были коротко подрезанные тёмные волосы и светлая полоска шарфа у горла. Лицо Лев различал хорошо. Она смотрела вниз, чуть наклонив голову, и держала перед собой что-то узкое, тёмное.

Мужчина шагнул с нижней ступеньки. Его плечо заслонило её руку.

Солнце блеснуло на металле. Женщина потянула руку к себе и тут же подняла её снова. Льву показалось, что движение пришлось прямо под распахнутый край мужской куртки. Незнакомец резко согнулся. Левой рукой попытался поймать перила, не достал, ударился коленом о ступень и упал на бок.

Женщина оставалась стоять.

На снегу под мужчиной появилось тёмное пятно.

— Эй! — крикнул Лев.

Женщина повернула голову, но не к нему. Посмотрела куда-то вправо и улыбнулась. Её губы двигались; Лев ничего не слышал. Он успел заметить, что тёмная полоска у неё в руке свисает почти до колена. Потом она шагнула за белый угол, наложенный на стену мастерской, и исчезла.

Лев уже отстёгивал строп.

— Петя! Человек ранен! Скорую вызывай!

Он оставил сумку на настиле, спустился по внутренней лестнице и выбежал из-за ограждения. На снегу пришлось остановиться, чтобы не упасть самому. У крыльца было ярко; собственная тень Льва уходила в сторону столовой, пересекалась с шевелящимися листьями. Мужчина лежал почти неподвижно, только правая рука медленно двигалась по куртке, будто искала карман.

Лев опустился рядом на колени.

— Вы меня слышите?

Незнакомец посмотрел на него. Глаза были открыты. Лев взял его за запястье и почувствовал тепло кожи.

— Нелли! Полотенце! Чистое!

Он не видел, где она, но услышал, как хлопнула дверь столовой.

Пётр подбежал с телефоном у уха. На ходу повторял адрес, сбивался, называл сперва старую мастерскую, потом столовую. Лев велел ему сказать про кровь. Пётр посмотрел вниз, и голос у него изменился.

— Да, раненый. Кровь. Живой, отвечает… Сейчас.

Он опустился с другой стороны и включил громкую связь.

Лев отвечал на вопросы, стараясь не торопиться. Дышит. Глаза открывает. Что именно произошло — видел издалека, рядом была женщина. Рана где-то слева под курткой; пока не видно. Он расстегнул оставшуюся нижнюю кнопку. Ткань рубашки прилипла к телу и была мокрой.

Нелли принесла полотенца в раскрытой пачке. За ней бежала Тамара с пледом, ещё пахнувшим кухней. Кто-то из мужчин возле ворот предложил перенести пострадавшего в помещение. В телефоне говорили, и Лев поднял ладонь, чтобы остальные замолчали.

— Подождите. Дайте услышать.

Потом всё стало отдельными короткими делами. Накрыть ноги пледом. Не толпиться. Удерживать сложенное полотенце слева под курткой. Сказать, меняется ли дыхание. Рубашка мешала добраться до мокрого места; Лев вытащил из бокового кармана рабочий нож, которым обычно разрезал стяжки. Ему было страшно задеть кожу. Он оттянул ткань и сделал короткий надрез в стороне от тела. Когда убирал лезвие, пальцы не сразу попали на ползунок.

— Лёва, — сказала Нелли.

— Сейчас.

Он закрыл нож и сунул его обратно в карман. Взял у неё новое полотенце. На первом уже не осталось белого там, где она его держала.

Незнакомец пошевелил губами.

Лев наклонился.

— Что?

Человек выдохнул что-то, похожее на слог, и закрыл глаза. Лев позвал его, не зная имени. За плечом у Нелли тянулись чужие руки; она резко велела всем отойти, оставила рядом только Петра и Тамару.

Кто-то продолжал снимать.

— Уберите телефон, — сказал Лев, не поднимая головы.

Ему не ответили. Тогда Нелли обернулась, и человек отошёл.

Мужчина лежал на настоящем снегу. Под ним темнела настоящая кровь. Рядом всё так же качались листья, которых нельзя было коснуться.

***

Фёдор вошёл через восточные ворота, когда Пётр пытался объяснить, с какой стороны машине скорой помощи удобнее подъехать к арке. На нём была коричневая куртка с поднятым воротником; шапку он держал в руке. Заметив людей у крыльца, сразу свернул к ним.

— Что здесь?

Нелли ответила раньше Льва:

— Человека ударили. Помоги нам людей убрать.

Фёдор присел на одно колено, посмотрел на раненого, потом на Льва.

— Кто?

— Женщина. В синем. Там была.

Лев показал подбородком на стену. Фёдор посмотрел туда. Поверх старого дома стоял другой, светлый; на нём виднелись окно и узкая белая дверь, которой прежде не было. От незнакомой женщины не осталось следа.

— Ты её знаешь?

— Нет.

— Чем ударила?

— Не разглядел. Что-то блеснуло у неё в руке.

Он посмотрел на свою ладонь. По перчатке тянулась красная полоска. Когда он наклонялся к мужчине, кровь попала и на рукав.

Фёдор встал. Отвёл двух любопытных от крыльца, попросил Петра освободить арку. Говорил спокойно, без крика; люди слушались, хотя кто-то ещё пытался возражать, что он имеет право находиться во дворе. Фёдор ответил, что право есть, только мешать медикам не надо.

Лев был благодарен ему за этот обыкновенный голос.

Незнакомец снова открыл глаза. Он смотрел мимо Льва, на верхнюю площадку лесов. Лев проследил за его взглядом, но увидел только собственную сумку и незажжённую вывеску.

— Сейчас помогут, — сказал он. — Вы здесь. Слышите? Вы уже здесь.

Нелли посмотрела на него. Он сам не знал, почему повторил это.

Из-за арки донеслась сирена. Машина не въехала во двор: на улице мешали остановившиеся автомобили. К ним прошли двое с сумками, следом Пётр вкатил носилки. Лев поднял голову и только тогда понял, как затекла шея.

Его попросили отодвинуться. Он ещё несколько секунд держал ткань, пока её не приняли, потом встал. Ноги не сразу разогнулись. Нелли подхватила его за локоть и сердито сказала не падать теперь самому.

— Я нормально.

— Все у меня нормально. Руку убери от лица.

Он не заметил, что собирался потереть лоб испачканной перчаткой.

Медики работали у крыльца. Лев слышал короткие вопросы, шорох упаковки, щелчок застёжки. Один попросил плед, которым ещё не пользовались. Тамара принесла другой из помещения. Всё, что делали с мужчиной, заслоняли спины, и Льву вдруг захотелось подойти ближе, проверить, что его не забыли, что работа продолжается.

Фёдор удержал его за плечо.

— Пусть занимаются.

— Она ударила и ушла, — сказал Лев.

Фёдор ничего не ответил.

— Ты понимаешь? Даже не посмотрела на него. Улыбнулась кому-то и ушла.

— Потом расскажешь.

— Я уже рассказываю.

Фёдор отпустил плечо. Лев почувствовал, что его начало трясти. Не сильно — только колени и нижняя челюсть. Он сцепил зубы, чтобы этого не было видно.

Когда носилки повезли к воротам, правая кисть пострадавшего лежала поверх пледа. На пальцах была земля. У основания большого пальца прилип маленький зелёный лист, смятый в комок. Лев проводил его взглядом до арки.

За носилками никто из близких не шёл.

***

Полицейский попросил Льва отойти от крыльца. До этого Лев успел несколько раз повторить одно и то же — Нелли, Фёдору, мужчине в форме, который первым вошёл во двор. Теперь его отвели к стене столовой, туда, где меньше толпились люди.

— Фамилия?

— Сомов. Лев.

— Документы с собой?

Лев указал на внутренний карман и только потом сообразил, что его не просят показывать пальцем. Достал бумажник. Снятые перчатки держал в другой руке; не знал, куда их положить. Полицейский заметил кровь, попросил пока ничего не вытирать и позвал коллегу.

Лев рассказал про вывеску. Про то, где стояла вышка, откуда вышел мужчина и где появилась женщина. Когда дошёл до жеста, сам поднял руку, показывая движение.

— Как будто потянула что-то к себе, — сказал он. — Потом опять вперёд. Блеснуло.

— Вы видели нож?

— Металл видел.

— Какой предмет? Можете описать?

Лев посмотрел в сторону крыльца.

Там уже растянули ленту. По другую сторону от неё стояла солнечная скамья, а возле скамьи — невысокий столбик с круглым знаком. Сквозь край скамьи просматривалась настоящая ступенька. Ещё час назад это был двор, в котором Лев мог с закрытыми глазами дойти от ворот до столовой. Сейчас он не понимал, где заканчивалась одна поверхность и начиналась другая.

— Я стоял наверху, — сказал он. — Далеко.

— Видели, как предмет коснулся человека?

Лев хотел ответить сразу. Он ведь только что рассказывал всем, что произошло. Женщина подняла руку, мужчина упал, на снегу была кровь. Что ещё требовалось увидеть?

— Он её заслонял, — произнёс он наконец. — Плечом. Но она была совсем рядом.

Полицейский записал. Не поправил его и не согласился.

— Дальше?

— Я спустился. Пётр вызвал скорую. Нелли принесла полотенца.

— Вы что делали?

Лев рассказал. Про рабочий нож тоже. Когда его попросили показать, медленно достал из кармана инструмент с закрытым лезвием. На серой рукоятке остались красные следы.

— Это мой. Я рубашку…

— Я понял. Пока не убирайте.

Рядом остановился второй полицейский. Лев назвал ему, где лежала сумка с инструментами, и почувствовал, что объясняет слишком быстро. Он не знал, как говорить правильно, чтобы обычная вещь не стала выглядеть чем-то другим. Ножом он резал упаковку, кабельные стяжки, кусок линолеума у себя дома. Теперь приходилось отдельно объяснять, зачем он вынул его рядом с человеком, у которого шла кровь.

Нож и испачканные перчатки Лев передал полицейским. Ему предложили пройти в столовую и согреться, оставаясь на месте для дальнейших вопросов. Нелли уже распоряжалась внутри. Столы у окна сдвинули; Тамара принесла чайник и несколько кружек. Двое посторонних спорили у двери, можно ли выйти за ограждение и забрать машину. Кто-то говорил по телефону с женой и уверял её, что никакого взрыва не было.

Лев сел за крайний стол. Положил руки на колени.

Нелли поставила перед ним чай.

— Пей.

— Не хочу.

— Хотеть потом будешь.

Он взял кружку, подержал и поставил обратно. На белом боку отпечаталась кровь с пальца. Лев посмотрел на неё, потом на Нелли.

— Извини.

Она забрала кружку и принесла другую. Ничего не сказала.

За окном по двору шли люди, которых не задерживала лента. Пожилая женщина несла сумку на колёсах; двое подростков о чём-то спорили, размахивая руками. Их ног не было видно

за сугробом, но двигались они ровно, будто шли по сухому асфальту. Один из подростков остановился как раз там, где лежал раненый. Подошва его кеда оказалась над тёмным пятном. Он посмотрел назад, дождался приятеля и пошёл дальше.

Лев отвернулся.

В столовую вошёл Фёдор. Достал из кармана пачку салфеток, повертел в руках и положил возле чайника.

— Тебе звонили с того заказа, — сказал он.

Лев не понял.

— Хозяин магазина. Петин номер нашёл. Спросил, придёшь ли сегодня.

— Скажи, что не приду.

— Я так и сказал.

Фёдор сел напротив. На воротнике у него таял снег. Он посмотрел в окно, на чужую берёзу, потом снова на Льва.

— Ты её лицо запомнил?

Лев кивнул.

— Если увидишь ещё раз, узнаешь?

Он хотел сказать «конечно». Но перед глазами почему-то встала не женщина, а правая рука мужчины — та, которую он держал под курткой ещё до того, как сошёл с крыльца.

Лев снова кивнул.

На улице светило солнце. В столовой горели все лампы, и никто не пытался их выключить.

Глава 3. Август

Майя услышала, как за оградой щёлкает секатор. Дворник стриг кусты у бывшей бани, складывал срезанные ветки в мешок и уже третий раз сердито поглядывал на её сумку. Она поставила её поперёк дорожки, пока разговаривала по телефону.

— Я не могу сейчас вернуться, — сказала Майя. — Пусть Артём выйдет на линию с другой машиной.

В трубке возразили.

— Тогда пусть ждёт слесаря. Я здесь при чём?

Она знала, при чём. В смене осталось двое, один человек заболел, а второй привык сначала звонить ей и лишь потом смотреть, что можно сделать самому. Ещё вчера она бы разозлилась, спросила номер машины, нашла кого-нибудь из свободных водителей. Сегодня хотелось просто выключить телефон. Майя всё-таки назвала, кому можно позвонить, и закончила разговор, не дожидаясь благодарности.

Дворник показал на сумку секатором.

— Вы надолго?

— Уже убираю.

Она подняла сумку за короткие ручки. Длинный ремень, который недавно зацепился металлической пряжкой за ограду, был свёрнут и заткнут под клапан. На пальце осталась царапина: Майя слишком сердито дёрнула застёжку, прежде чем догадалась повернуть её ребром. Илья тогда ещё не вышел. Он велел ждать у белого угла, обещал быстро, и с тех пор любой посторонний человек успел обратиться к ней несколько раз, а он — ни разу.

У ворот хлопнула дверца фургона. Водитель, которому она улыбнулась, освобождая ремень, уехал. На его месте теперь стояла женщина с детской коляской и смотрела вверх. Майя проследила за её взглядом.

Над краем крыши лежало тёмное пятно.

Вначале она решила, что это дым. Но пятно не двигалось, а внутри проступали ровные чёрные линии — рама, стекло, ещё одна крыша. Они пересекали голубое небо и ветви берёзы. Майя прищурилась. У неё было чувство, что кто-то держит перед лицом закопчённое стекло; хотелось протереть его и посмотреть нормально.

Дворник перестал стричь.

— Опять, — сказал он.

Майя повернулась к нему.

— У вас такое уже было?

— Не такое. Вчера на той стене пятно было. Я думал, сырость.

Он указал за белый угол. Майя пошла туда быстрее, прижимая сумку к боку. Вчера Илья тоже говорил про стену. Он вообще всё время говорил про стены, двери, про то, где нельзя наступать, — и ни разу не ответил прямо, почему её брат Тимофей не может выйти тем же путём, каким вошёл.

За углом оказался снег.

Он лежал в её дворе, поверх щебня, доходил до нижней перекладины ограды. Через знакомую клумбу проступала лестница с зелёными дверями наверху. Майя остановилась, не выпуская ручек сумки. Внизу, почти у её ног, на белом боку сугроба двигалась тень человека. Она подняла голову и увидела людей в толстых куртках.

Всё было беззвучно. Мужчина в шапке бежал, женщина наклонилась, другой мужчина держал телефон перед собой. Майя сделала шаг к ограде.

На снегу лежал Илья.

Она узнала его не сразу: лицо было повёрнуто, плечо заслонял человек на коленях. Но куртка была его, и рубашка с маленькой клеткой тоже. Илья носил её второй день; вчера Майя ещё подумала, что он хоть переоделся бы перед встречей с ней. Теперь это воспоминание показалось таким нелепым, что она на мгновение разозлилась на себя.

— Илья!

Человек рядом с ним достал нож.

Майя видела серую рукоятку, короткое лезвие и руку, которая потянула рубашку вверх. Мужчина наклонился. Его плечо закрыло лицо Ильи. Женщина возле них что-то сказала, рот открылся резко, и Майя дёрнула ограду на себя.

— Эй! Что вы делаете?

Он не поднял головы. Опустил руку с ножом, снова приподнял; потом лезвие исчезло. Майя не видела, куда оно делось. Она видела только кровь на светлом полотенце и чужую ладонь возле Ильиной груди.

— Отойди от него!

Ограда была ей ниже пояса. Майя бросила сумку на дорожку, перекинула через верхнюю перекладину одну ногу, потом другую. Подошва соскользнула, она ударилась голенью и всё-таки спрыгнула на клумбу. Колено оказалось посреди сугроба. Холодно не было.

Майя наклонилась над Ильёй и протянула руку к его плечу. Пальцы ушли в тёмную ткань по самые костяшки. Она вскрикнула и отдёрнула ладонь. На ней была пыль от сухой земли.

Лежащий человек находился ниже поверхности клумбы. Его плечо, рука, прижатая к груди, часть лица — всё это было видно сквозь щебень и стебли, и ничего нельзя было ухватить. Майя попыталась снова. Пальцы упёрлись в камень там, где должен был быть воротник.

— Илья, посмотри на меня.

Он не посмотрел. Мужчина с ножом уже убрал руку, взял у женщины другое полотенце. Майя схватила его за рукав и опять поймала воздух. Она различала грязь на ткани, светлые полосы швов, потёртую застёжку. От такой близости становилось ещё страшнее.

— Ты его слышишь? — спросил кто-то за её спиной.

Майя обернулась. На дорожке стояла Вера, держа в каждой руке по термосу. На одном была старая наклейка с ягодами. Майя сама наклеила её прошлой зимой, чтобы отличать сладкий чай от несладкого.

— Помоги, — сказала она. — Он там.

Вера поставила термосы на землю и подошла к ограде.

— Кто с ним?

— Не знаю. Этот… У него нож был.

— Сейчас есть?

— Он убрал.

Вера смотрела на людей по ту сторону. Майя ждала, что она скажет, как к ним добраться. Вера обычно находила, что делать: кого посадить рядом с печкой, кого отправить за машиной, кому не давать говорить с растерянным человеком. Сейчас она молчала.

Майя шагнула ближе к зелёной лестнице и ударилась бедром о каменную стенку клумбы. Выругалась. Под снегом не было видно края, хотя она знала, где он проходит.

— Слезай оттуда, — сказала Вера.

— Ты видишь, что с ним делают?

— Вижу, что ты сейчас упадёшь.

— Я не об этом!

Она снова позвала Илью. Никто не обернулся.

К людям возле него подошёл ещё один мужчина, в коричневой куртке. Он присел на колено, поговорил с тем, у кого был нож, потом встал и принялся отводить остальных. Майя

смотрела ему в лицо. Ей казалось, что он обязательно должен заметить женщину, стоящую по колено в чужом снегу прямо перед ним.

Вера протянула ей руку через ограду.

— Давай сюда. Здесь мы ничего не можем.

Майя не взяла руку. Выбралась сама, неловко зацепившись подошвой, и подняла сумку. Длинный ремень выпал, пряжка стукнула о металл. Она не стала убирать его обратно.

— Где вход?

Вера посмотрела на белую стену.

— Илья показывал мне изнутри. Под лестницей. Но там теперь завалено.

— Всё?

— Я не знаю, Майя.

От этого ответа стало хуже, чем от молчания.

***

В комнате дежурных пахло мокрыми половиками. Здесь прежде выдавали банные тазы, и вдоль стены ещё оставалась низкая деревянная стойка с узкой щелью для денег. Теперь за ней стояли пакеты с вещами, коробка зарядных проводов и три чашки, которые никто не успел вымыть.

Майя прошла к дальней двери. Вера внесла один из термосов, поставила его у стойки, потом обогнала Майю и сняла со связки ключ.

— Сначала позвоню, — сказала она.

— Уже звонили. Позавчера. Вчера. Сегодня утром.

— Про Илью не звонили.

Майя остановилась. Вера открыла дверь, но осталась на пороге, набирая номер. Отсюда было видно, как за окном сугроб пересекает подоконник, а сквозь белую поверхность проступает горшок с пыльным алоэ.

— Это Савельева, — сказала Вера в телефон. — Я возле бывшей бани. Здесь человек ранен… Нет, не могу к нему подойти. Я объясню.

Она называла адрес, повторяла его, потом попросила собеседника не перебивать. Майя слушала с нарастающим раздражением: каждое слово казалось слишком медленным, а разъяснение — ненужным, потому что достаточно было приехать и посмотреть. Но, когда Вера протянула телефон ей, сама не сумела сказать понятнее.

— Я его знаю. Илья Резник. Он должен был выйти ко мне, а теперь лежит… Да, в том же дворе. Только там снег.

На другом конце замолчали.

— Я не пьяна, — сказала Майя.

Её ни о чём таком не спрашивали. От этого стало стыдно, и она заговорила ещё быстрее. Рассказала про мужчину, про нож, про невозможность коснуться Ильи. Её попросили оставаться на месте и не пытаться пройти через повреждённое здание. Майя вернула телефон Вере, ничего не пообещав.

За дверью было темнее. До лестницы оставалось метров пять; под ней виднелась низкая арка, до половины закрытая битым кирпичом. Через верхнюю щель падал странный серый свет. Вера включила потолочную лампу.

— Они здесь были, — сказала она. — Вчера расчистили край, потом сверху опять пошло. Следы смотрели. Мне велели никого не пускать.

Майя подошла к арке. На полу лежал чей-то вымазанный раствором респиратор. Рядом тянулся красный шнур, завязанный на двух железных стойках. За шнуром доски подпирали край лестничной площадки.

— Илья сегодня туда ходил?

— Сказал, что посмотрит другой подход.

— Какой?

— Со двора, дальше.

— Почему ты не спросила, где именно?

Вера не ответила сразу. Прижала телефон к боку, словно хотела освободить руку, но не знала для чего.

— Потому что он последние два дня отвечает через раз. Ты сама с ним говорила.

Майя вспомнила утреннее лицо Ильи. Он сидел на скамейке, ел грушу и сердито вытирал пальцы о бумажный пакет. Сказал: «Ну что ты от меня хочешь, я же не могу его вытащить за воротник». Потом увидел, как она смотрит, смял пакет и добавил, что ещё сходит, только пусть она не идёт следом и не мешает.

Она осталась ждать. Теперь от этого послушания не было никакой пользы.

— Тимофей может быть там, — сказала она.

Вера кивнула.

— Поэтому я и остаюсь.

За аркой что-то щёлкнуло. Обе замерли. Со стены на кирпичи посыпалась тонкая струйка песка.

Майя попятилась к двери. Вера первой вышла в комнату, придержала створку, дождалась её и заперла. Ключ остался на связке. Майя проследила, как он лёг в боковой карман её жилета.

— Если они опять скажут ждать… — начала она.

— Пусть сначала приедут.

Вера подняла с пола один термос. Второй так и остался во дворе.

— Илья мог пойти к старой котельной, — сказала Майя. — Там дверь сзади.

— Она заложена.

— Была заложена. Я посмотрю.

— Майя.

— Здесь не полезу. Я слышала.

Она повернулась к выходу и почти столкнулась с дворником. Тот вошёл, не снимая рабочих рукавиц, и сказал, что к раненому приехала скорая. Майя бросилась к окну.

Снег стал отчётливее, тёмная полоса в небе протянулась над всем двором. Двое в зимней одежде склонились над Ильёй. Мужчина, у которого она видела нож, стоял в стороне. Его держал за плечо другой.

— Его заберут, — сказала Вера за спиной.

— Куда?

— Там есть больница. Должна быть.

Майя смотрела, как люди работают возле носилок. Она вдруг поняла, что сейчас они увезут единственного человека, который знал, где искать её брата. Увезут за угол, сквозь который нельзя пройти, в город, где лежал снег, хотя на её телефоне было двадцать восьмое августа.

Она выскочила на дорожку и побежала вдоль стены к котельной.

Глава 4. Холодный порог

Дверь котельной была открыта на ладонь. Из-под неё торчала пластиковая бутылка, смятая тяжёлым железом. Майя толкнула створку плечом. Бутылка заскрипела, перекатилась внутрь, и дверь пошла легче.

За ней пахло пылью и старой влажной штукатуркой. Котлы отсюда вывезли давно; остались прямоугольные основания и обрезанные трубы, закрытые жестяными колпачками. Майя знала это помещение с детства. Мать когда-то работала в бане, и после школы здесь разрешали ждать её до конца смены. В дальний угол ходить запрещали: там начинались ступеньки без перил. Майя помнила запрет лучше самих ступенек.

Сейчас угол был завален досками. Под потолком лежала полоса солнца, а дальше, за старым каменным простенком, свет становился серым. Она слышала, как снаружи спорят люди. Один голос требовал позвать заведующего, другой отвечал, что никакого заведующего здесь уже много лет нет.

Майя накинула ремень сумки на плечо, освобождая руки, и достала телефон. Включила фонарь. Луч упёрся в облупленную краску.

Она не собиралась идти к завалу. Ей нужно было увидеть дверь, про которую сказала Вере: низкую, с широкими каменными косяками, в стене между котельной и старой пристройкой. Последний раз Майя заходила сюда несколько лет назад. Проём тогда был заложен кирпичом, а поверх кто-то написал номер телефона. Под цифрами темнел длинный потёк.

Потёк остался. Нижняя часть кладки исчезла.

Майя приблизила фонарь. На полу лежало несколько кирпичей; один был расколот на две неровные половины. За ними, в самой глубине проёма, стояла другая дверь — деревянная, с зелёной краской. Только открывалась она не здесь: светлая ручка висела слишком низко, почти у колена. Майя посветила на неё, и луч дошёл до камня, который виднелся сквозь дерево.

Она выключила фонарь и убрала телефон в карман.

— Илья!

Ответа не было.

В щели между простенком и дверным косяком что-то белело. Майя наклонилась, протянула руку, ожидая опять упереться в штукатурку, и остановилась.

По пальцам прошёл холод.

Он был такой явный, что она сначала посмотрела вверх, не открыто ли окно. В котельной стоял августовский воздух. На лице ощущалось тепло, а кончики пальцев словно опустили в воду с растаявшим льдом.

Майя отняла руку. Холод остался на коже. Она потёрла пальцы о рукав, снова поднесла ладонь к щели и услышала шорох.

За камнем говорили.

Слов было не разобрать, только мужской голос и короткий удар металла. Майя позвала ещё раз. Ей показалось, что голос замолчал, но потом он продолжил с той же громкостью.

Она присела. Между кирпичами оставался проход: узкий, с неровным краем, достаточный, чтобы протиснуться боком. Белое лежало на полу за ним. Майя провела по этому белому пальцем, и на подушечке осталась крупинка, тут же превратившаяся в воду.

Снег.

Она выпрямилась слишком резко и задела плечом косяк. Из сумки выпал сложенный лист. Майя поймала его у самого пола, вспомнила, что это распечатанная фотография Тимофея, которую она носила третий день, и аккуратно убрала обратно. На снимке он щурился у воды. Снимок был неудачный, но на другом он стоял в тёмных очках, а свежих фотографий без дурацких лиц у Майи не нашлось.

— Я только посмотрю, — сказала она вслух.

Это прозвучало так, будто за её спиной стояла мать.

Майя поставила сумку на сухой участок пола, подобрала короткую доску и просунула её за каменный край. Доска стукнула по твёрдой поверхности. Она поводила концом вправо и влево: под снегом был пол, ниже здешнего. Потом проверила ещё дальше, насколько доставала рука. Ничего не проваливалось. Майя положила доску возле ног.

Оттуда снова донёсся голос.

— Здесь пока закрыто, — сказал мужчина.

Майя застыла.

— Я вас слышу!

— Кто там?

Голос стал ближе. За низкой зелёной ручкой никого не было видно.

— Мне надо к вам. Здесь Илья был. Вы его увезли.

— Стойте на месте. Где вы находитесь?

— В котельной.

— В какой котельной?

Она уже подняла сумку. Сердце стучало так сильно, что приходилось дышать ртом.

— Я сейчас покажу.

— Никуда не идите. Слышите меня?

Майя просунула в щель ногу. Подошва опустилась ниже, попала на гладкий пол, и холод мгновенно прошёл через тонкую ткань кеда. Она ухватилась левой рукой за каменный край. Правой прижала сумку к животу, пригнулась, повернулась боком и перенесла вес.

Свет переменился не сразу. Сначала на плечи лёг холод, потом собственная рука стала плохо видна среди пятен краски. Майя почувствовала под ладонью шершавый камень, удержалась за него и сделала второй шаг. Ремень зацепился за выступ, она потянула сумку вслед за собой, и пряжка ударила её по запястью.

Теперь перед ней был коридор. Сырая стена, грязный коврик, раскрытая дверь с настоящей зелёной краской. На коврике стоял мужчина в полицейской форме.

Он смотрел туда, откуда она вышла.

— Назад от стены, — сказал он. — Осторожно. Сюда.

Майя шагнула к нему и чуть не подвернула ногу на перепаде пола. Полицейский удержал её за локоть.

Она вцепилась ему в рукав.

— Вы настоящий?

Он не успел ответить. Майя почувствовала плотную ткань, тёплую руку под ней и вдруг заплакала — коротко, зло, почти без слёз. Отпустила рукав и вытерла лицо ладонью, сердясь на себя за то, что не может сразу спросить главное.

— Человека увезли. Илью. Куда?

Полицейский снял с плеча рацию.

***

Лев услышал её голос раньше, чем увидел.

Он сидел в столовой и пытался вычистить ногтем засохшую кровь из складки другого пальца. Нелли принесла мокрую салфетку, но он не пользовался ею. Всё казалось, что сейчас опять позовут, а он что-нибудь сотрёт и потом не сможет объяснить.

Фёдор вышел разговаривать с владельцем здания. Перед уходом попросил пока не трогать вышку. Лев ответил, что и не собирался, а когда тот ушёл, долго смотрел на сумку, оставшуюся за окном высоко над двором. Снизу она выглядела ничьей.

У двери заговорили. Нелли возразила кому-то, что здесь уже сидят люди и кухня работает, пусть не оставляют створку настежь. Потом осеклась.

Лев поднял голову.

Женщина в синей куртке стояла между полицейским и косяком. Короткие тёмные волосы были растрёпаны, светлый шарф сбился к одному плечу. Она держала сумку перед собой обеими руками. На её ногах были серые кеды, мокрые по самому низу.

Лев встал так резко, что стул ударился о батарею.

— Это она.

Женщина посмотрела на него. Он увидел, как изменилось её лицо.

— Этот, — сказала она полицейскому. — Он был возле Ильи.

— Подождите, — ответил тот.

— У него нож был.

Лев шагнул к ней.

— Ты что говоришь?

Полицейский выставил руку между ними, не касаясь ни одного.

— Вы останьтесь возле стола. А вы проходите сюда.

Нелли убрала с ближайшего стула коробку с салфетками. Женщина села, не снимая сумки с колен. Лев не мог отвести от неё глаз. Та самая полоска шарфа. Те самые руки. Теперь на одной был небольшой красный след, и почему-то именно он казался Льву доказательством, хотя доказательством чего — он бы не смог сказать.

— Это её я видел, — повторил он. — У крыльца. Когда мужчина упал.

— Я услышал, — сказал полицейский. — Сядьте.

— Она была прямо возле него.

— Сядьте, пожалуйста.

Лев сел. Стул остался косо, одно колено упёрлось в ножку стола, но поправлять его было некогда.

Нелли принесла женщине свою длинную куртку, набросила на плечи. Та попыталась возразить.

— Потом отдашь, — сказала Нелли. — У тебя губы белые.

Полицейский придвинул другой стул, сел сбоку.

— Как вас зовут?

— Майя Зорина. Вы скажите, куда увезли Илью Резника. Я видела, как его положили на носилки.

— Вы его родственница?

— Нет. Он искал моего брата. Брат пропал. Илья был с ним.

Лев смотрел на её сумку. Из-под клапана свисал длинный тёмный ремень с металлической пряжкой. Он всё ещё не мог совместить сидящую перед ним женщину с той, которая улыбалась над лежащим человеком. Сейчас она не улыбалась. Пальцы так сильно сжимали ручку, что ногти побелели.

— Когда пропал брат?

— Во вторник. Три дня уже. Тимофей Зорин. Ему двадцать шесть. Мы уже подавали заявление.

— Сегодня воскресенье, — сказал Лев.

Майя повернула голову.

— Я вас не спрашиваю.

Полицейский посмотрел на Льва, и тот замолчал. Сам не понял, зачем вставил это про воскресенье. Словно она обязана была испугаться несоответствия, а раз не испугалась — значит, всё придумала.

— Где подавали заявление? — спросил полицейский.

Майя назвала улицу и фамилию человека, который с ней разговаривал. Полицейский записал, переспросил номер её телефона. Она достала аппарат, хотела что-то показать, но экран оказался в каплях. Протёрла его о шарф.

— Я звонила и в дежурную часть, и… Посмотрите сами, у меня все звонки есть. Мне нужен Илья. Он мне обещал.

Она подняла глаза на Льва.

— Что вы с ним сделали?

— Я ему помогал.

— С ножом?

— Рубашку разрезал. Нелли рядом стояла. Петя был.

— У него уже кровь была.

— Вот именно!

Полицейский поднялся.

— Давайте отдельно. С вами ещё поговорят. Майя, сюда, пожалуйста.

Нелли показала на маленькую комнату за раздаточной, где хранила накладные. Майя встала, придерживая чужую куртку локтями. Лев тоже поднялся.

— Я же видел тебя! Ты руку подняла, он упал!

Она остановилась. Смотрела на него несколько секунд, и он увидел в её лице что-то, от чего стало не по себе. Не страх перед разоблачением. Она словно пыталась понять, за кого её принимают.

— Я к нему даже прикоснуться не могла, — сказала она.

— Потом. А сначала?

— Я не знаю, что у вас было сначала.

Полицейский открыл дверь маленькой комнаты. Майя вошла, он следом. Дверь закрылась не до конца: мешала коробка бумаги. Нелли переставила коробку, и голоса стали тише.

Лев опустился на стул. Перед ним стояла остывшая кружка. Он подвинул её подальше, чтобы случайно не задеть.

Нелли села напротив.

— Лёва.

— Что?

— Ты сейчас на неё так идёшь, что я тебя бояться начала.

— Она на меня говорит.

— Слышала.

— Ты же там была.

— Была. Про тебя расскажу. Про неё — не знаю.

Он отвернулся к окну.

В коридоре загудели трубы. Тамара открыла воду, что-то уронила в мойку и негромко выругалась. Этот обычный звук вдруг напомнил Льву, что он сидит здесь уже давно и так и не помыл рук.

Когда полицейский вышел из маленькой комнаты, Лев поднялся ему навстречу.

— Мне умыться можно?

Тот посмотрел на его руки.

— Да. Потом нужно будет ещё раз пройти во двор. Покажете, откуда смотрели.

— Она пойдёт?

— С вами — пока нет.

Лев кивнул и прошёл мимо раздаточной. В приоткрытой двери он увидел Майю. Она держала перед собой лист с фотографией молодого мужчины. Один угол намок и загнулся, и она разглаживала его ладонью о стол.

Возле мойки Тамара молча подвинулась, положила рядом чистое полотенце. Лев расстегнул манжеты, отвернул рукава и подставил ладони под струю. Вода была холодной. Он хотел попросить тёплой, но Тамара уже повернула второй вентиль.

Он мыл руки, пока не заболела содранная возле ногтя кожа. Потом выключил воду, взял полотенце и прислонился спиной к стене. Отсюда не было видно ни неба, ни двора.

Глава 5. Место падения

Во дворе стало теснее, хотя людей за ограждением осталось меньше. У ворот стояла служебная машина, рядом — два раскладных щита. Кто-то принёс их из соседнего магазина; на обороте одного ещё читалась реклама окон. Щиты закрывали нижнюю часть крыльца от тех, кто снимал с улицы, но сверху над ними по-прежнему качалась летняя берёза.

Лев застегнул манжеты и спрятал пальцы в рукава. Полицейский, который привёл Майю, назвал себя Антоном Котовым и передал его женщине в тёмной шапке. Та представилась следователем Ольгой Берестовой, попросила встать возле вышки и показать, на какой высоте он находился.

Лев задрал голову.

— На верхнем настиле. Там сумка моя.

— Вы её с тех пор трогали?

— Нет.

— Пока оставьте. Подниматься сейчас тоже не нужно.

Берестова не смотрела на солнце. Оно висело прямо над её плечом, золотило край шапки, и Льву хотелось спросить, почему она так спокойно стоит. Потом он заметил, как она, поворачиваясь, обходит скамью, которой здесь нет. Носок сапога задел настоящий сугроб, скрытый под чужим сиденьем. Берестова остановилась, посмотрела вниз и продолжила спрашивать.

— Откуда вышел мужчина?

Лев указал на зелёные двери.

— Створку держал. Потом за перила взялся.

— Какой рукой?

— Левой.

— А правая?

Он не ответил сразу. Снова увидел ладонь под краем куртки. Вспоминать это рядом с крыльцом было неприятнее, чем сидя за столом: место осталось прежним, а человек исчез.

— Здесь держал, — Лев положил руку на бок. — Под курткой.

— Всё время?

— Пока шёл, да. Когда упал, я уже… Я к нему спускался.

Берестова попросила ещё раз описать шаги, не показывая рукой чужое движение. Лев говорил, глядя на лестницу. Мужчина держал створку, потом перила. Правая рука была прижата. На нижней ступеньке он ещё стоял. Потом появилась женщина.

— Вы увидели, как она подошла?

— Нет. Уже была там, когда я повернулся.

— Откуда повернулись?

— На ворота смотрел. Петю звал.

— Пётр — ваш напарник?

Лев кивнул и объяснил про машину, которая пыталась въехать. Берестова выслушала, попросила назвать фамилию Петра. В стороне молодой мужчина снимал ступени крупным планом. Он нагнулся так низко, что полу его куртки пришлось придерживать локтем.

— А вот здесь след был, — сказал Лев. — Ещё когда тот человек шёл.

Он показал на нижнюю часть лестницы.

— Какой след?

— Тёмный. От ботинка. На снегу.

— Вы видели, что оставался именно за ним?

— Да. Он ногу переставил, а след остался. Я тогда ещё подумал: этот настоящий.

Берестова подняла на него глаза.

— Почему?

Лев рассказал про мальчика на велосипеде. Получилось хуже, чем он ожидал. Велосипед проехал через табуретку, мальчик ушёл в стену, на снегу ничего не осталось. Слова звучали как оправдание человека, который прежде выпил и теперь пытается объяснить, почему ему всё-таки следует верить.

— Нелли тоже видела, — добавил он. — И Петя. Не только я.

— Их спросят. След вы видели до того, как мужчина упал?

— Да.

Она повернулась к человеку с камерой, коротко переговорила с ним. Лев смотрел на место отпечатка. Теперь там лежал маленький указатель с номером. Сам след с этой стороны почти не различался: по нему прошлись люди, возле него опускались на колени, туда попал край пледа.

— Это кровь была? — спросил Лев.

— Вы знаете?

— Нет.

— Тогда пока так и оставим. Тёмный след.

Она сказала это без нажима, и всё же Лев почувствовал, что его опять отодвинули от собственного рассказа. Он хотел быть полезен, а выходило, что только мешает неточными словами.

— Я могу показать, откуда её рука была видна, — сказал он.

Берестова посмотрела наверх, потом на ограждение вышки.

— Покажете, когда закончим внизу. С вашего места сделаем снимки. Сейчас скажите: плечо мужчины закрывало руку женщины?

— Часть. Ненадолго.

— В какой момент?

Лев поднял руку и остановился.

— Когда блеснуло.

За спиной у следователя из стены вышла собака. Она была большая, лохматая, с красной игрушкой в зубах. Пробежала вдоль летней клумбы, остановилась в середине настоящего сугроба и посмотрела назад. Через несколько секунд за ней появился мальчик. Лев узнал красную футболку. Велосипеда на этот раз не было.

Берестова проследила за его взглядом. Потом медленно протянула ладонь туда, где у собаки была спина. Пальцы прошли сквозь шерсть.

Она убрала руку.

— Рядом с той женщиной была такая же картинка, — сказал Лев. — Но мужчина-то был здесь.

— Он был здесь, — согласилась она. — Я пока спрашиваю о том, что видели вы.

Собака ушла за мальчиком. Указатель возле следа остался стоять, хотя красная игрушка только что прошла прямо через него.

Лев достал телефон. Берестова попросила показать первый звонок, сделанный из-за света. В журнале стояло 09:08. Он протянул ей экран.

— Кровь была позже, — сказал он. — Тут я ещё про дерево звонил.

— Поняла. Снимали что-нибудь?

— Немного. До того, как он вышел.

Он нашёл короткое видео. Камера никак не выбирала яркость; освещённый дом то темнел, то становился почти белым. Под ним виднелись крыльцо и Пётр, который придерживал шапку. Послышался голос Нелли, спрашивавшей про свет. Затем Лев велел ей отойти к двери, и запись закончилась.

Берестова досмотрела до конца и попросила сохранить запись.

— Не обрезайте и не пересылайте себе через приложения. Нам нужен исходный файл.

Лев кивнул. Ему впервые дали понятное поручение, которое он мог выполнить без оговорок.

Пока договаривались о передаче записи, из служебного здания вышел Фёдор. Он нёс сложенный лист, придерживая его большим пальцем, чтобы не унёс ветер. За ним шёл Пётр с ключами. Лев заметил, как тот посмотрел на маленькую железную дверь за вентиляционным коробом, и тоже повернулся туда.

Берестова спросила, куда она ведёт.

— В боковой коридор, — ответил Лев. — Там дальше склад. Я Петру замок помогал закрыть.

— Когда?

— Несколько дней назад.

— Отсюда выходили сегодня?

— Я не видел.

Она кивнула и сделала пометку. Лев поймал себя на том, что ждёт следующего вопроса о Фёдоре. Вместо этого она попросила отойти к столовой и пока никому не пересказывать разговор.

***

Фёдор догнал его возле двери.

— Что ты про боковой вход сказал?

— Что он есть.

— Они его уже смотрят.

— Ну и пусть.

Фёдор на секунду прикрыл глаза, словно у него болела голова.

— Я не про то. Там пол вскрыт, можно ногу сломать. Ты им говорил?

— Я сам не знал.

— Петя должен был сказать.

— А тебе что мешало?

Фёдор посмотрел на него внимательнее. Лев сунул телефон во внутренний карман, не желая продолжать разговор на холоде. Он до сих пор был без перчаток, и кожа на вымытых руках натянулась, как слишком тонкая бумага.

— Лёва, я сейчас с пяти сторон слушаю одно и то же. Что здесь было, кто здесь ходил, почему стену разбирали. По одной фотографии людям надо всё понять. Я тебе потом расскажу.

— Стену зачем разбирали?

— Старую закладку. Там проектом предусмотрено.

— Я про проект не спрашивал.

— Так что ты спрашиваешь?

Лев не знал. Ему хотелось, чтобы Фёдор сказал что-нибудь простое, от чего двор снова стал бы знакомым. Например, что утром здесь были обычные ремонтники, потом случилось несчастье, а женщина в синем как-нибудь объяснит, почему он видел её руку. Вместо этого Фёдор стоял с чужим планом и говорил так, словно Лев пытался без очереди получить у него рабочее задание.

— Ничего, — ответил Лев. — Иди им покажи, где пол вскрыт.

Фёдор потёр переносицу. Потом ушёл обратно к дому.

В столовой пахло картошкой и дешёвым растворимым кофе. Тамара принесла большой поднос чашек; кто-то уже сидел у окна с блокнотом, двое разговаривали по телефону в дальнем

углу. Нелли собирала деньги с мужчины, который пытался объяснить, что он пришёл сюда по служебной необходимости.

— Необходимость у вас служебная, а две котлеты личные, — сказала она. — Чай за мой счёт. Обед оплатите.

Мужчина достал карту.

Лев невольно улыбнулся. Нелли заметила, ничего не сказала и поставила перед ним тарелку.

— Я не заказывал.

— Знаю. Тебе можно.

Он сел. Взял вилку, раздавил край картофелины. Только сейчас понял, что с утра ничего не ел, кроме куска хлеба, который успел проглотить стоя дома.

Майя вышла из комнаты за раздаточной. Неллина куртка оставалась на ней, но теперь она продела руки в рукава. Сумку держала на плече, ремень поправляла у самого горла. Увидела Льва, остановилась; он ждал, что она подойдёт, но она направилась к Котову, который вошёл следом.

— Мне обратно нужно.

— Мы ещё не закончили.

— Я не исчезну. Скажите там, что я здесь. Там Вера. Она будет искать.

— Мы попробуем связаться с людьми на той стороне. Сейчас проход проверяют.

— Вы уже проверили, я через него пришла.

Котов не ответил сразу. Он выглядел моложе, чем Льву показалось утром. Когда снял шапку, на лбу осталась красная полоса.

— Майя, я стоял рядом и не видел вас, пока вы не вышли. Я не знаю, что там ещё можно пропустить. Поэтому сейчас туда просто так никого не поведём.

Она потянула ремень сумки вниз, освобождая шею.

— Я покажу, где нога ставится.

— Услышал. Побудьте здесь.

Майя отошла к окну. Котов поговорил с кем-то по телефону, вышел в коридор, потом вернулся вместе с Берестовой. Та сняла варежки, зажала их в одной руке и оглядела зал.

— Майя, можно вас?

Они ушли в маленькую комнату. Дверь закрылась. Лев положил вилку поперёк тарелки.

Он не слышал разговора. Слышал только один короткий вопрос, заданный громче остального, и потом тишину. Нелли остановилась у раздаточной с пустым подносом в руках. Посмотрела на дверь, перевела взгляд на Льва и медленно поставила поднос на стойку.

Берестова вышла одна. Подошла к его столу.

— Человек, которому вы помогали, умер в больнице, — сказала она.

Лев посмотрел на вилку.

— Давно?

— Нам сейчас сообщили.

Он кивнул. Хотел спросить, могла ли скорая приехать раньше, не надо ли было сделать что-то другое, не слишком ли долго он спускался. Ни одного из этих вопросов он не решался задать. В ответ могли сказать «да».

— Вы останетесь здесь? — спросила Берестова.

— Да.

Она вернулась в комнату. Лев подвинул от себя тарелку. Потом вернул на прежнее место, потому что тарелка оказалась у самого края.

Нелли села рядом. Некоторое время они молчали.

— Он же смотрел, — сказал Лев. — Когда я ему говорил, смотрел на меня.

Она кивнула.

— Я знаю.

— Я думал, раз увезли…

Нелли положила ладонь на стол возле его руки. Не стала ни обнимать, ни отвечать.

За окном человек в летней рубашке принялся вытряхивать маленький половик. Пыль опускалась в настоящий снег, исчезала, не оставляя следа. Лев смотрел на неё, пока Нелли не поднялась и не закрыла жалюзи.

***

Ближе к полудню из двора начали выводить оставшихся посторонних. Столовую пока не закрывали, но посетителей перестали пускать; Нелли спорила недолго, записала чью-то фамилию на обороте накладной и велела Тамаре убрать горячее с раздачи. Лев слышал, как ложки стучат о края пустых ёмкостей, как закрывают крышки, переставляют стулья. Каждое движение было таким обычным, что хотелось попросить всех потише.

Майя снова вышла в зал. Села далеко от него, положила перед собой фотографию брата и телефон. Несколько раз набрала номер. Поднесла аппарат к уху, подождала, опустила.

Лев мог бы не смотреть. Он смотрел.

— Не проходит? — спросил наконец.

Она повернула голову.

— Что?

— Звонок.

— Нет.

Он достал свой телефон и подошёл, оставив между собой и её стулом шаг.

— Попробуйте с моего.

Майя посмотрела сначала на телефон, потом на него. Не взяла аппарат.

Лев положил его на свободный край стола, отошёл к раздаточной и попросил у Нелли воды. Пока пил, услышал за спиной нажатия, потом короткую мелодию. Майя заговорила — быстро, с неожиданным облегчением:

— Вера? Это я. Майя. Я здесь, со мной…

Она замолчала.

Лев обернулся.

Майя слушала. Улыбка, которой ещё не было, но которая уже должна была появиться, так и не появилась.

— Извините, — сказала она. — Значит, ошиблась.

Положила телефон экраном вниз.

— Не тот человек, — сказала она Льву. — Номер тот. Человек другой.

Он подошёл, забрал аппарат.

— Может, цифру не туда нажали?

Майя открыла контакты в своём телефоне и молча повернула экран. Он сверил цифры с последним вызовом. Они совпадали.

— Это не доказывает, что… — начал Лев и остановился.

Он не знал, чего это не доказывает. Никто не просил его быть судьёй.

Майя убрала фотографию в сумку. Пальцы дрожали, и край листа никак не попадал под клапан. Лев придержал клапан, не касаясь её руки. Она посмотрела на него, но ничего не сказала.

Котов позвал её от двери. Теперь на нём была застёгнута куртка; за плечом виднелись люди в касках.

— Нужно показать, откуда вы пришли. До того места, где я вас встретил.

Майя поднялась. Лев отступил, освобождая дорогу.

Она прошла мимо него, вернулась на шаг и забрала со стола свой телефон.

— Меня Лев зовут, — сказал он.

— Я слышала.

Он понял, что она могла слышать, как его звали здесь всё утро. И всё же ему хотелось, чтобы хоть это между ними было сказано прямо.

Майя вышла с Котовым. Лев остался возле её пустого стула, держа в руке свой телефон. В списке последних вызовов был номер человека, которого ни один из них не знал.

Глава 6. Голос из стены

Майя не сразу узнала место, из которого вышла. Утром здесь были коврик и зелёная дверь. Теперь вдоль стены лежал толстый чёрный провод, над ним горела переносная лампа, а поперёк коридора поставили козлы с доской. На доске кто-то написал маркером: «Не проходить». Буквы вышли крупные, последняя не поместилась и съехала вниз.

Котов остановился перед ограждением.

— Отсюда покажите.

Майя указала влево от входа, туда, где штукатурка заканчивалась неровным краем. В глубине старой стены виднелись тёмные камни. Между ними проходила светлая полоса, и сквозь неё проступали обрезанные трубы котельной.

— Вот здесь. Только у нас пол выше.

Мужчина в каске присел возле ограждения, посмотрел вдоль пола. На переносной лампе был длинный след голубой краски. Майя почему-то смотрела на него, пока мужчина задавал вопросы: где стояла, за что держалась, был ли под ногами кирпич. Она отвечала, но каждый ответ отнимал время. Вера могла уже уйти из котельной, а больше там никто не знал, зачем Майе возвращаться.

— Вы можете позвать? — спросила она.

— Кого?

— Людей оттуда.

Мужчина выпрямился.

— Попробуйте. Только за доску не заходите.

Майя придвинулась к ограждению. Внутри светлой полосы ничего не двигалось. Она различала железную скобу на стене, полоску облупленной побелки, край листа фанеры. Всё это находилось рядом, на расстоянии вытянутой руки, и одновременно было недоступно, как комната, увиденная в чужом окне.

— Вера!

Котов поднял ладонь, прося остальных помолчать.

— Вера, ты меня слышишь?

Ответ пришёл не из того места, куда Майя смотрела, а снизу, возле каменного края.

— Майя?

Она сразу наклонилась.

— Да. Я здесь.

— Где?

— По ту сторону. Где снег. Со мной всё нормально.

За камнем заговорил ещё один человек. Майя не разобрала слов. Вера ответила ему, попросила подождать, потом снова позвала её.

— Ты можешь выйти?

— Пока нет. Здесь проверяют.

— Я видела, как тебя увели. Кричала, никто не повернулся.

Майя провела пальцами по краю доски. Ей хотелось рассказать сразу всё: как холодно было в проходе, как мужчина с ножом сидел в столовой, как Илью увезли и она так и не успела спросить его о Тимофее. Но первой вышла совсем другая фраза:

— Я с чужого телефона тебе позвонила. Там не ты.

— Что?

— Неважно. У тебя люди есть?

— Есть. Здесь спасатели. И полиция приехала. Говори, что случилось.

Майя посмотрела на Котова. Он чуть отошёл в сторону, но остался рядом с ограждением. Никто не пытался заговорить вместо неё.

— Илья умер.

За стеной перестали разговаривать.

Майя ждала. Ей показалось, что голос больше не вернётся, что она одним словом оборвала единственную связь со своим двором. Потом Вера спросила:

— Ты его видела?

— Нет. Мне сказали. Он умер в больнице.

— Кто сказал?

— Следователь. Здесь, со мной.

Опять наступила тишина. Майя прижала пальцы к доске сильнее. Она была холодной, шероховатой; от края откололась тонкая заноза. Майя подцепила её ногтем, не замечая, что делает.

— Вера.

— Я слышу.

— Кто теперь Тимофея будет искать?

— Мы будем.

Ответ прозвучал сразу. Майя опустила голову, закрыла глаза. Она злилась на себя за облегчение: ей обещали почти то же самое вчера, позавчера, сегодня утром. Но голос был живой, знакомый, и пока он отвечал, можно было стоять.

— Подожди. Здесь спрашивают, ты уверена, что это Илья?

— Уверена.

Майя открыла глаза.

— Передай им: рубашка в мелкую клетку, тёмная куртка. Я его видела. И вчера видела, и сегодня утром с ним говорила.

Котов негромко попросил Веру передать трубку сотруднику полиции, сразу поправился:

— Просто пусть подойдёт сюда. К камню.

Майя чуть отступила. Котов назвал себя, спросил, с кем разговаривает. Другой мужчина ответил; его фамилия утонула в шуме, донёсшемся из двора, и Котов попросил повторить. Они обменялись несколькими короткими вопросами. Ни один, судя по голосу, не видел собеседника.

Майя снова посмотрела внутрь светлой полосы. Там всё ещё были только трубы и лист фанеры. Котов стоял рядом с ней, а голос человека, которому он отвечал, доносился из пустого пространства.

— Вы тоже никого не видите? — спросила она.

Котов кивнул.

— Сейчас нет.

Он попросил у мужчины в каске блокнот и ручку. Записал свои данные, место, сведения о раненом, потом спросил Майю фамилию Ильи ещё раз. Она назвала.

— И Резник через «з», — добавила она. — Не Ресник. Ему всё время путали.

Это было последнее, чем она могла ему помочь прямо сейчас, и от этого опять стало трудно дышать.

Котов сложил лист, вложил его в прозрачный пакет, который достал из своего портфеля второй сотрудник. Мужчина в каске убрал с ближайшего края камня мелкие обломки, проверил опору и разрешил Котову подойти, оставаясь на этой стороне. Майю попросили держаться за ограждением.

— Я протяну пакет, — сказал Котов в щель. — Скажите, когда увидите.

Он вытянул руку.

— Вижу, — ответил незнакомый голос.

Майя не увидела, как пакет взяли. Пальцы Котова разжались, прозрачный угол исчез за каменным краем. Через мгновение мужчина сказал, что прочитал фамилию и место.

— Тоже Кировск? — спросил он.

— Да.

— У нас здесь улица Мира.

Котов посмотрел на Майю. Она кивнула, хотя её ни о чём не спрашивали.

Из щели показалась рука.

Майя отшатнулась. Рука была настоящая: на указательном пальце белел след от недавно снятого кольца, короткие ногти были испачканы серой пылью. Пальцы сжимали лист из блокнота. Котов взял его; рука ушла обратно, и за ней снова осталась только чужая фанера.

— Не тянитесь туда без предупреждения, — сказал мужчина в каске. — Сначала говорите.

Он сам ещё смотрел на место, где только что была кисть.

Котов развернул лист. Поднёс к лампе, прочитал и нахмурился.

— У вас дата стоит двадцать восьмое августа.

— Какая же ещё?

— Какой год?

— Две тысячи двадцать шестой.

Котов медленно перевернул бумагу. На обороте было пусто.

— У нас двадцатое декабря, — сказал он.

За камнем кто-то засмеялся, но смех тут же прекратился.

Майя опустилась на корточки возле стены. Длинная Неллина куртка собралась складками на коленях. Она видела снег, слышала про воскресенье, но до этой минуты всё ещё могла думать, что перепутала что-то маленькое. Теперь у двух мужчин в руках лежали листы бумаги с одним городом и разными месяцами. Они передали их друг другу. Бумага не исчезла.

— Я не могу здесь остаться, — сказала она.

Котов обернулся.

— Мы вас не оставляем.

— Я не про вас.

***

Вера снова подошла к камню, когда Майя поднялась. Голоса остальных с летней стороны переместились дальше; слышалось, как кто-то тащит по полу тяжёлый предмет, сердито предупреждая не брать за острый край.

— Здесь и у нас теперь никого не пускают, — сказала Вера. — Но подойти к двери можно. Я тут.

Майя провела ладонью по лицу.

— Ты можешь сказать им про Тимофея? Тем, которые с тобой.

— Они знают.

— Ещё раз скажи. Теперь с Ильёй ничего не спросишь.

— Майя, они знают.

— Тогда почему я никого там не вижу?

Она указала на пустую картинку и поняла, что Вера не может видеть её руку. Стало стыдно за бессмысленный вопрос. Однако Вера ответила серьёзно:

— Мы здесь стоим. Я касаюсь стены. Вот.

С той стороны раздались три глухих удара. Майя вздрогнула. Перед ней по-прежнему была пустая котельная.

— Я слышу, — сказала она. — Тебя не вижу.

Вера помолчала.

— А я тебя давно уже не вижу. Сначала ты с сумкой шла. Дальше будто провалилась. Ты где сейчас, сидишь?

— Стою.

— Я тоже.

Майя посмотрела на Котова. Он слушал вместе с ними. Потом попросил человека за границей назвать, что тот держит в руках, и встал вплотную к ограждению, не заходя за него. Ответили: фонарь. Котов сказал, что никакого фонаря пока не видно.

Мужчина в каске поднял свой, направил луч в сторону чужого пола. На камне зажглось белое пятно. За ним оставалась всё та же неподвижная полоса чужой комнаты.

— Свет не проходит? — спросил Котов.

— Этот здесь камень освещает. Дальше пока не скажу.

Майя перестала слушать. Она смотрела на ржавую скобу, которая проступала в глубине изображения. Ей казалось, что возле неё кто-то должен наконец появиться. Все уже столько раз назвали себя, ответили, передали настоящую бумагу. Почему нельзя просто увидеть лицо?

Вера спросила:

— Тебе куртку принести?

— Мне дали.

— Обувь?

Майя посмотрела на кеды. На носке одного сохла широкая тёмная полоса.

— Не надо. Я вернусь.

— Майя…

— Ты мне лучше скажи, где Илья сегодня собирался искать. Не «со двора». Где именно?

За камнем шуршала одежда. Вера говорила с кем-то тихо, просила подать папку. Майя сдержала желание поторопить.

— Он смотрел старый спуск, — ответила Вера наконец. — Из котельной вниз. Сказал, там дальше должна быть площадка. Вчера он туда не смог подойти.

Майя вспомнила доски, наваленные в дальнем углу. Ступеньки без перил, запрет матери. Ей стало так ясно, куда нужно повернуть, что она невольно сделала шаг вперёд. Котов остановил её ладонью.

— Вы договорились.

— Там лестница. Я её знаю.

— Покажете на плане.

— У вас другой план.

Мужчина в каске положил свой фонарь на пол.

— Давайте нарисуем ваш. Прежде чем туда идти, мне нужно понимать, что вы называете лестницей.

Майя хотела ответить, что рисунок никого не вытащит, но он уже достал сложенный лист и карандаш. Развернул бумагу на подоконнике, прижал ладонью угол. Внизу были напечатаны какие-то условные обозначения. Он перевернул лист чистой стороной вверх.

— Здесь мы стоим, — сказал он. — А вы откуда подошли?

Майя взяла карандаш. Нарисовала дверь, угол, два прямоугольника там, где прежде были котлы. Мужчина спросил, что между ними. Она объяснила. Он не спорил и не говорил, что такого помещения здесь нет; только просил показать, где можно поставить ногу и откуда она видела завал.

Она рисовала медленнее, чем хотела. В одном месте стёрла ладонью линию и поставила новую. Карандаш оставлял на коже серый след.

— Тимофей туда пошёл во вторник, — сказала она. — Илья вышел один. Сказал, брат остался внизу. Потом показывал другое место. Они там уже всё смотрели, куда могли добраться.

— Кто смотрел?

— Спасатели. Я снаружи была. Со мной Вера сидела. Илья то говорил, что знает, то просил ещё подождать. Я хотела сама зайти, меня не пустили.

Мужчина не ответил сразу. Посмотрел на рисунок, потом на стену.

— Вашего брата здесь, на нашей стороне, никто не искал, — сказал он.

Майя подняла глаза.

— А он может быть здесь?

— Я этого не знаю. Но вы стоите здесь. И Резник оказался здесь. Нужно передать вашим, какие помещения мы можем осмотреть отсюда.

Она крепче сжала карандаш. До сих пор другая сторона была местом, куда забрали Илью и не пускали её. Теперь там могли оказаться ступеньки, по которым ещё никто не спускался за братом.

— Вот этот угол, — сказала она. — Если идти от котлов…

— Подождите, — произнёс Котов.

Все повернулись к нему.

В глубине светлой полосы появился человек с фонарём. Он стоял вполоборота, смотрел в сторону камня и что-то говорил. Рядом с ним остановилась Вера.

Майя выдохнула и позвала её по имени.

Вера не ответила. Протянула руку к пустому месту перед собой, словно показывала что-то невидимому собеседнику, потом повернула голову.

— Я здесь, — донёсся её голос совсем с другой стороны. — Ты чего кричишь?

Видимая Вера в этот момент смотрела вниз. Её губы не двигались.

Карандаш ударился о подоконник и упал на пол. Майя не подняла его.

Глава 7. Шесть минут сорок секунд

Когда Котов вернулся за ним, Лев уже успел позвонить матери. Она спросила, почему по телевизору показывают их город, а он ничего не сообщает. Лев сказал, что работает, потом сам услышал, насколько глупо это звучит, и объяснил, что сидит в столовой. Про раненого не рассказал. Мать велела поесть, словно они оба могли исправить утро этим простым действием.

— Майя просила вас позвать, — сказал Котов.

Лев убрал телефон.

— Зачем?

— Нужно посмотреть кое-что. Я буду рядом.

Он говорил без уговоров. Лев пошёл за ним, возле двери взял со спинки стула запасные перчатки, которые Пётр принёс из машины. Они были велики, зато сухие. Лев долго расправлял на одной палец, застрявший внутри, пока Котов ждал у порога.

На улице чужое солнце ушло от прежнего места. Лев не мог понять, стало ли оно ниже или просто сдвинулось по крыше; настоящие горы проступали за ним тёмными, почти чёрными. Возле ворот стоял человек с длинной рейкой и смотрел под ноги. Машины на улице двигались медленно, кто-то подавал им знак рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.